

Современная демократия и политические лидеры

Кириленко В. П.^{1*}, Алексеев Г. В.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Предметом представленного исследования стала трансформация образов политических лидеров глобального сетевого общества в условиях современной демократии. В статье обобщаются научные работы, основанные на привнесении в политическую науку аналогий из квантовой физики. Основной целью таких аналогий является совершенствование качества научного анализа политических процессов и составления политических прогнозов. Термин «квантовая демократия» возникает в условиях кризиса представительной демократии, отражая высокую степень элитарности политической реальности и социальные разрывы между отдельными индивидами и группами влияния. Глобализация разрушает традиционные социально-политические институты быстрее, чем успевают создаваться новые властные структуры, отвечающие за эффективность политических решений в конкретных странах. Демократические институты трансформируются в соответствии глобальными тенденциями, порождая новый тип экономически обоснованного позиционного господства, совершенствуя «власть номинации» в современном мире. Политические лидеры в условиях квантовой демократии сохранили способность притворять свои решения в жизнь в той степени, в какой эти решения соответствуют состоянию национальной политики. Ограничение власти политических лидеров закономерностями квантовых процессов поставило легитимность в зависимости от тех идеологических позиций, которые объективно сложились как полюса политического спектра.

Ключевые слова: лидерство, демократия, квантовая политика, декогеренция, глобализация, мондиализация, политические волны, позиционная легитимация

Modern Democracy and Political Leaders

Kirilenko V. P.^{a*}, Alekseev G. V.^a

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.vvaas@yandex.ru

ABSTRACT

The subject of the presented research is the transformation of political leader's authority inside the global network society in modern democracy. Scientific works and studies based on introduction of some analogies from quantum physics into political science are overviewed in the article. The main purpose of such analogies is to improve the quality of political processes analysis and policy predictions. The term "quantum democracy" is used by the authors in relation to the crisis of democracy, noting the high degree of elitism of modern politics. The waves of globalization are destroying traditional social and political institutions faster than new power structures responsible for an effective policy decisions formed in specific countries. Democratic leadership develops in accordance with global trends, creating a new type of economically legitimate positional dominance, developing "legitimate naming" in the modern world. Political leaders under modern democracy retained the ability to bring their decisions in life to the extent that these decisions meet the condition of the national political field. Limitation of the political leader's authority by the laws of quantum processes put legitimacy depending on those positions that are poles of the political spectrum.

Keywords: leadership, democracy, quantum politics, decoherence, globalization, mondialisation, political waves, positional legitimization

В середине XX в. в статье «Ценность науки» лауреат Нобелевской премии по физике Ричард Фейнман (Richard Phillips Feynman), говоря о поиске оптимальных научных решений, которые «управляли людьми, создавшими демократию», утверждал, что поскольку «никто толком не знал, как руководить правительством», демократия стала той системой, «при которой новые идеи могут быть разработаны, апробированы и при необходимости отброшены с привнесением более новых идей — это метод проб и ошибок» [36, с. 15]. Такой подход к демократии как пространству для социального эксперимента открывает перспективы для устойчивого развития, с одной стороны, а с другой — создает определенные угрозы, связанные с неизбежными неудачными опытами. Политические лидеры, определяя основные направления социальной политики, стоят в центре демократической системы, которая производит модернизацию и аберрации с определенной долей вероятности.

Новые информационные и медийные технологии трансформировали общественные отношения, создав условия открытых границ и либеральной информационной политики. Резкие изменения социального уклада в последней четверти XX в. оказались вызовом для политического класса развитых государств. «Третья волна» американского футуролога Элвина Тоффлера (Alvin Toffler) характеризовалась тем, что наверху политической системы «Президент чувствует себя так, как будто он кричит в телефонную трубку, а на другом конце никого нет» [63, с. 396], это при том, что внизу сложился «комплекс миссии — иллюзия, что мы можем каким-то образом спастись, изменив мужчину (или женщину) наверху» [63, с. 400]. Социальный запрос на эффективное лидерство нарастал по мере того, как снижались возможности конкретных личностей и институтов оказывать влияние на политическую ситуацию.

Теория социально-политической науки претерпела существенные изменения с тех пор, как в 1991 г. американский политолог, профессор Обернского университета¹ Теодор Беккер (Theodore L. Becker) опубликовал монографию «Квантовая политика: применение квантовой теории к политическим феноменам» [23]. Сформулированная Т. Беккером теория о том, что в основе Конституции США лежит физическая модель Ньютона, в то время как социальная реальность развивается по законам квантовой механики, породила к жизни ряд весьма интересных научных работ, посвященных применению квантовой теории в социально-политической науке [20; 21; 39; 44; 62].

В то же время «Квантовая политика» Т. Беккера осталась в тени знаковой работы другого известного американского политолога Сэмюэля Хантингтона (Samuel Phillips Huntington) «Третья волна. Демократизация в конце XX века» [41]. «Третья волна», написанная Хантингтоном накануне распада СССР, фактически предвосхитила глобальную демократизацию. Эта монография обычно рассматривается в контексте процессов «перехода от тоталитаризма и авторитаризма к демократии» [2, с. 59]. При этом за рамками научных изысканий нередко оказывается ряд важных особенностей процессов демократизации, отраженных в работах С. Хантингтона. Во-первых, квантовая природа политических процессов нашла свое отражение в волновом характере движения к демократии. Во-вторых, резкость изменения политического режима от тоталитаризма к демократии демонстрирует высокую поляризацию социально-политических взглядов при переходе к демократии. В-третьих, сформировавшееся состояние, при котором «общество избирает своих политических лидеров демократическими методами, но эти лидеры не пользуются реальной властью» [41, с. 10], объясняет политическую природу современного лоббизма и олигархов, а также демонстрирует эффект запутанности политических интересов бизнеса и политического класса [35] в условиях режима квантовой демократии.

Глобальная демократизация. Известный американский журналист Уолтер Липпман (Walter Lippmann) утверждал, что «проявление воли народа всегда тре-

¹ Auburn University — государственный университет в г. Оберн, Алабама, США.

бовало объяснения», и особо подчеркивал тот факт, что «механизм создания нечистой силы тождествен механизму создания героя. Если все благо исходило от Жоффра, Фоша, Вильсона или Рузвельта, то все зло — от кайзера Вильгельма, Ленина и Троцкого» [48, с. 10]. В условиях представительной демократии «Социальные Движения, Экономические Силы, Национальные Интересы, Общественные Мнения предстают как персонажи, а личности, подобные Папе Римскому, президенту, Ленину, Моргану, Кингу, становятся идеями или институтами». [48, с. 160] Политическое лидерство уже в начале XX в. носит глобальный характер и формируется средствами массовой информации, в дальнейшем процессе глобализации политические лидеры все больше нуждались в глобальном авторитете, признании их легитимности не только внутри страны, но и за рубежом.

Глобализация (во французской социально-политической науке мондиализация), вышедшая в результате внедрения сетевых информационных технологий на новый уровень, отличается значительной дихотомией (двойственностью). Если термин «глобализация» стал в последнее время отражать совершенно определенную идеологию, которая воспринимается в контексте доктрины открытого общества, сформулированной в работах «ястребов глобализации»¹, таких как Жак Аттали (Jacques Attali) [22], Джорж Сорос (George Soros) [57; 58; 59] и Карл Поппер (Karl Raimund Popper) [53], то мондиализация, например в работах французского политолога Филиппа Моро Дэфаржа (Philippe Moreau Defarges) и широкого круга французских ученых [29; 33; 47], предстает перед нами как объективный процесс социально-политической жизни, обусловленный глобальной конкуренцией товаров, идей и начинаний, политических лидеров на мировой арене. Глобализация придала актуальность в универсальном масштабе демократическим электоральным процедурам в государствах — лидерах мирового сообщества, и в результате вывела проблему национальных политических лидеров на международный уровень.

В то время как опасность идеологии глобализации — очевидна, а мондиализация — неизбежна, социальный институт лидерства будет все более трансформироваться в рамках национального социально-культурного поля и все больше оказывать влияние на мировую политику. По мнению Ж. Аттали, в эпоху глобализации «богатые, процветающие зоны будут беспечно соседствовать с обширными нищими регионами» [22, с. 87], «новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами — своим народом, своими ближними» [22, с. 88], «в конце такой культурной мутации и сам человек превратится в кочевой предмет» [22, р. 110], подверженный «культу индустриального каннибализма» [22, р. 113]. Очевидно, что в результате такой глобализации национальные лидеры будут жить в процветающих зонах в условиях неизбежного отрыва от нужд и интересов той страны, которой они руководят.

При такой перспективе нет ничего удивительного, что радикальный «глобализм» натолкнулся на активные формы этнического и национального противостояния общему потоку истории» [3; с. 445]. Лидеры — «кочевые предметы» [22, с. 110] представляют высокую степень общественной опасности, ввиду того, что их образ жизни и отношение к остальным людям, как к предметам, провоцируют социальные разрывы и резкую поляризацию политического поля. «Кочевые предметы», подверженные старению и моральной деградации, будут вызывать все больше социального недоумения. Новым лидерам совсем не очевидно то, о чем пишет профессор П. С. Гуревич, полагая, «что картина мира, представленная в квантовой физике, настоятельно требует перестройки всей общественной жизни человечества» [3; с. 445]. Профессор

¹ Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. Федеральный выпуск № 5325 (246). 29.10.2010.

О.В. Гаман-Голутвина обоснованно полагает, что «стратегическая бессубъектность стала следствием целого ряда причин, среди которых следует упомянуть... приватизацию государственных институтов кланово-корпоративными структурами» [14, с. 285]. Доминирование финансового капитала и рыночных отношений в современной политике, оправданное американским политологом Робертом Аланом Далем (Robert Alan Dahl) [31], порождает сопротивление, по авторитетному мнению, известного французского социолога Пьера Бурдьё (Pierre Bourdieu) [27].

Профессор политологии Университета Боккони (L'Università Commerciale Luigi Bocconi — Милан, Италия) Фабрицио Пеззани (Fabrizio Pezzani) пишет, что «„Неопровержимая истина“ неолиберализма создала бедность, неравенство, моральную деградацию, безработицу, распад общества и семьи, оголтелый индивидуализм, который нормализует коррупцию и неправомерные действия, но не ставит при этом под сомнение доминирующие интересы (элит. — В.К., Г.А.), и эти глобальные несчастья представляет как просто «сопутствующий ущерб»» [52, с. 225]. В этих условиях Италия сегодня переживает «драматический кризис идентичности, находясь между внешним доминированием, которое, как представляется, управляет процессами принятия решений, нарушает ее суверенитет, и фантомной политикой без осмысления, творчества и авторитета» [52, с. 225].

Демократическое лидерство. На фоне итальянских проблем интересная монография Ж.Т. Тощенко «Фантомы российского общества» [12] повествует о том, как дефицит лидерства в обществе порождает разнообразные девиации в поведении представителей политического класса. Очевидно, что переход от представительной демократии к реалиям квантовой политики способен усугубить социальную травму, которая и без того остро сказывается на социально-политическом процессе в российском обществе [13]. В порядке дискуссии отметим, что существует вероятность того, что значительная часть проблем российского общества является не столько результатом травмирующего воздействия политических преобразований на национальном уровне, сколько отражает общемировые тренды и проблемы политики.

Метафоры, такие как «фантомы», «кентавры», «бесы», стали применяться Ж.Т. Тощенко по отношению к лидерам политического класса в силу того, что их трудно называть по-другому. Причины лидерства многих одиозных личностей справедливо видятся автору, в частности, в том, что «развитие российского общества характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией части социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, но не отказом от принципов рыночного либерализма и попытками сочетать путь, по которому идет „европейская цивилизация“, но с учетом особой евразийской ориентации» [12, с. 50].

Кризис представительной демократии был очевиден в последней четверти двадцатого века и озаглавлен во многом знаковым понятием «полиархия» [30]. Экономическая демократия Р.А. Даля предполагает использование финансовых институтов в предотвращении того, что он называет «тиранией большинства через закон» [31, с. 13]. Профессор И. Шапиро обосновывал на страницах журнала «Полис» «целесообразность инкрементального подхода» к демократии «ввиду недостаточности имеющихся знаний о приспособляемости политизированных идентичностей к требованиям конкурентной демократии» [16, с. 27]. Профессор Сиднейского университета Джон Кин (John Keane) в своей монографии «Жизнь и смерть демократии» выдвинул гипотезу о том, что на смену представительной демократии пришла демократия «мониторная» (monitory democracy) [45, p. 27–29]. Немецкий профессор Михаэль Штолльайс (Michael Stolleis) писал о той же форме господства через объектив видеокамеры в своей книге «Око закона». [9; 60] Научная дискуссия по проблемам демократии ведется вокруг представительства «нечеловеческих» (nonhuman) субъектов в рамках политического процесса в сетевом обществе [61].

Рассуждая о «квантовой демократии», Д. Кин отмечает длительность процессов изменения политического уклада и накапливающиеся изменения в организации демократического режима [46].

Представления о том, что лидеры и демократические институты существуют в рамках границ политического поля, отражают постепенное движение политической мысли в направлении реалий квантовой демократии. Вектор этого движения был в значительной степени предопределен в работах Пьера Бурдьё [25; 26]. Предложенная П. Бурдьё структура политического поля определяет выработку политических позиций субъектами политических процессов и понимается как место конкурентной борьбы за власть, где «в символической борьбе за производство здравого смысла или, точнее, за монополию легитимной номинации... агенты используют символический капитал, приобретенный ими в предшествующей борьбе, и, собственно, любую власть, которой они располагают» [26, с. 731–732].

Волны модернизации глобальной демократии. Тенденции развития поля глобальной политики достаточно точно уловил американский политолог Дэвид Петтиниккьо (David Pettinichio) в своей статье «Элиты, политика и социальные движения» [51, с. 170]. Контуры государственной политики определяются в рамках того политического поля, что «формируется в результате координации, взаимодействия (иногда неохотного) и коалиции, которые выстраиваются стратегическими акторами, стремящимися сформировать политическую повестку». Политические лидеры во многом контролируются их «антрепренерами», которые, являясь частью политической элиты вместе с активистами общественных движений, «формируют стратегическое поле действий» [51, с. 177]. Политические решения при этом вырабатываются в рамках поля национальной политики и нацелены на достижение тех прогрессивных целей, которые продиктованы заранее сконструированной элитами повесткой дня.

Российские ученые В. И. Пантин и В. В. Лапкин в своей статье «Волны политической модернизации в истории России» справедливо отмечали достаточно интересный факт, касающийся того, что сложилось «характерное для российского государства и общества расщепление культуры, идеологии, общественно-политического уклада жизни на две преобладающие тенденции: радикальный „либерализм“, защищающий права и свободы человека, но игнорирующий социальные проблемы большинства населения, и не менее радикальный „государственный патернализм“» [10, с. 45]. Расщепление культуры, равно как доминирование поочередно либеральной и патерналистской идеологией, — процессы, в которых ярко проявляется надвигающаяся квантовая демократия. Ограничение перспективных политических альтернатив в условиях острых социальных противоречий и динамичных глобальных изменений заставляет лидеров принимать решения по ситуации, а не в соответствии со своими убеждениями, программами, планами и проектами. Такой ситуативный, ограниченный определенными условиями авторитет избранных демократическим образом политических лидеров становится причиной стремления лидеров меняться вместе с политической ситуацией.

Резкий контраст и ограниченность количества приемлемых для партий позиций в рамках национального политического поля наблюдается и в Японии. Группа авторитетных ученых в своей статье «Мир. Вызовы глобального кризиса. Япония» отмечают, что «эффект поляризации заставляет любые партии „третьего“, „четвертого“ и иных полюсов тяготеть к одной из двух главных сил», в то время как «нарастание националистических настроений в сочетании с популистскими лозунгами может помочь завоевать симпатии обывателей» [11, с. 77–78]. Такая ситуация, безусловно, связана с определенными рисками возникновения нестабильности и угрозами резкой смены политического курса, присутствием случайных и непредсказуемых людей в рамках поля национальной политики.

Возможность предсказать то, каким окажется в условиях квантовой демократии «политический кот Шредингера»¹, сокрытый в каждом перспективном политическом лидере, реализующем свою политическую программу по ситуации, ставит задачу по выявлению причин и закономерностей нового политического режима, при котором политические лидеры могут представлять различные интересы, и в то же время крайне редко представляют интересы тех избирателей, чьи голоса приносят им победу на выборах. В политической науке практически сложилось представление о том, что следствием цифрового разрыва и социального неравенства в национальной политике стала системная декогеренция², в результате которой правительства утратили в значительной степени способность влиять на социальные процессы, происходящие под их юрисдикцией.

Среди причин неизбежной в современном обществе правительственной декогеренции, по нашему мнению, далеко не последнее место занимают перенасыщение информационного пространства и разрастающийся популизм на фоне все более углубляющейся коррупции. В конечном итоге, именно политическая декогеренция, как особый системный разрыв в сетевом обществе, стимулирует развитие квантовой демократии, в то время как традиционная демократия представительного свойства становится все менее эффективной и все более глобальной, элитарно-олигархической.

Американский ученый Филип Уоллак (Philip A. Wallach) в своей статье «Правительственная декогеренция и ее противоречия» использует термин «декогеренция» из квантовой механики, чтобы точнее отразить состояние политической системы, при котором правительство принимает решения без учета реальных интересов тех людей, которых эти решения затрагивают. В частности, Ф. Уоллак пишет: «существует бесчисленное множество причин для того, чтобы поставить под вопрос способность федеральных властей, которые слишком далеки от народной жизни, быть подходящим местом для решения многих социальных проблем» [64]. По мнению Ф. Уоллака, ярким проявлением политической декогеренции является создание значительно-го числа индивидуально-правовых актов и норм-исключений для тех лиц, интересы которых в силу различных причин совпадают с интересами правительства.

Вместе с тем, политическая ситуация в целом ряде проблемных регионов современного мира, таких как Ближний Восток, Центральная Африка и Латинская Америка демонстрирует отсутствие лидерства на фоне декогеренции, которая происходит из-за неадекватных представлений национальных правительств об интересах тех людей, которыми они пытаются управлять. В ряде государств, среди которых Сомали, Йемен и Ливия, декогеренция практически полностью уничтожила государственность. Такая опасная декогеренция способна выступать катализатором революционных процессов и возникает в результате того, что лидеры политического класса не готовы отвечать за судьбу своей страны и не соответствуют запросам представителей интеллектуальной элиты и институтов гражданского общества. Преодоление разрыва между «опасными»³ интеллектуалами и политическим классом предполагает предметный социальный диалог, направленный на преодоление правительственной декогеренции и достижение консенсуса в гражданском обществе. Анализ процесса формирования образа политического лидера в условиях квантовой демократии представляется первоочередной задачей, в контексте острого спроса на новых политических лидеров на мировой арене [28; 40].

¹ См. подробнее: Schrödinger. E. Die gegenwärtige Situation in der Quantenmechanik // Naturwissenschaften. V. 23 (1935), № 48, p. 807–812; N 49, 823–828; N 50, 844–849.

² От лат. *cohaerentio* — сцепление, связь.

³ Буравой М. «Опасный» класс как спаситель человечества // Русский Журнал. 20.07.2010. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Opasnyj-klass-kak-spasitel-chelovechestva> (дата обращения: 18.05.2017).

Лидеры квантовой демократии. Проявляющаяся многомерность политических процессов квантовой демократии оказала значительное влияние на институт лидерства. В рамках круглого стола «Политическое лидерство и проблемы личности» профессор Ю.В. Ирхин в своем докладе «Анализ личностных особенностей современного эффективного политического лидерства (на примере президентских выборов в США)» обратил внимание на тот факт, что среди „измерений“ лидерства «можно выделить лидерство психологическое, социальное, ресурсное, виртуальное, влияния политического образа и связанного с ним имиджа (бренда)» [6, с. 54]. Российский ученый М.А. Мень в своих работах указал на единство персональной и социальной реальностей лидерства [7] и отметил, что «у М. Вебера стремление человека к превосходству и господству связано в ряде случаев с различиями в уровне компетенции и объеме специальных знаний, которыми располагает лидер формальной организации» [8, с. 93].

В условиях квантовой демократии разработанная Максом Вебером (Maximilian Carl Emil Weber) легально-рациональная, бюрократическая модель государственного управления [65] требует концептуального пересмотра. Если в начале XX в. «основной источник превосходства бюрократической администрации заключается в роли технического знания, которое, благодаря развитию современных средств и методов бизнеса в производстве товаров, стала совершенно незаменимой» [66, с. 337], то в настоящее время основной источник политического превосходства — поддержка политики лидера широкими кругами демократической общественности, формирование атмосферы лояльности в условиях высокой гибкости организационных порядков, актуализации политических решений в глобальном медиапространстве. В то время как «третья волна маркетизации... все сильнее грозит миру» [1, с. 7], политические режимы приспосабливаются к изменениям, адаптируя к ситуации свою «институциональную архитектуру» и ее «каналы связи» вне зависимости от типа политического режима [54], меняется и парадигма восприятия лидерства [17]. В современных условиях «актуальными стали проблемы прямого влияния граждан как индивидуальных политических акторов, включенных в те или иные виртуальные сообщества, на принятие решений властью и лидерами» [16, с. 8].

Профессор Гарвардского университета Эрик Бирбом (Eric Beerbohm) в своей интересной статье «Возможно ли демократическое лидерство?» задается вопросом о социальной природе лидерства в демократических условиях и полагает, что «лидерство может отразить наш идеал демократии», являясь при этом основой функционирующей демократии, в то же время представляя угрозу на практике [24]. Лидерство отличается от тирании и диктатуры своей демократической природой ретрансляции авторитета. В условиях квантовой демократии актуализировалась республиканская теория свободы, которая требует отсутствия доминирования как основы реализации политического авторитета [55; 56].

На пораженном вирусом информационного популизма политическом рынке появляются все более удивительные политические лидеры, о которых известно очень немного, кроме того, что они определенно вовлечены в коррупционные схемы. Общеизвестно, из материалов средств массовой информации, что отдельные политические деятели самого высокого уровня брали взятки, другие принципиально не решают годами жизненно важные вопросы для страны и ее регионов, члены семей некоторых политических деятелей получают деньги за ту работу, которую вряд ли вообще способны выполнять. Происходят абсурдные политические процессы: популярность набирают авторы одиозных лозунгов мистического и религиозного содержания, вопросы сексуальной ориентации обсуждаются на самом высоком политическом уровне, на полном серьезе расследуется вопрос о российском вмешательстве в выборы президента США и т. д. Опасность присутствия искажаю-

щих социальную действительность экстремистов самого различного толка в рамках политического поля государства становится все более очевидным вызовом национальной безопасности.

Профессор С. В. Чугров, анализируя последствия распространения искаженной реальности известные как «post-truth», справедливо отмечает «деформированное состояние сознания, в котором стереотипы уже полностью потеряли связь с реальными образами. В мире постправды эмоции замещают факты, а фейки — новости, задавая тон конструированию политического дискурса и альтернативной реальности» [15, с. 42]. Альтернативная реальность один из главных симптомов распространения квантовой демократии. С одной стороны, физики полагают, что квантовая теория параллельной реальности — это не проблема, а решение [34], да и в практической политике, по словам известного американского политтехнолога Стива Шмидта (Stephen Edward «Steve» Schmidt), «в эпоху социальных сетей представляется очевидным то, что каждый живет в своей собственной реальности»¹. С другой стороны, мы всецело разделяем обеспокоенность уважаемых ученых качеством той альтернативной реальности, которая формируется средствами массовой информации в настоящее время [5, с. 176–183].

При всех особенностях квантовой демократии она представляется как мало изученный, но безусловно прогрессивный этап развития политического режима, свойственный цифровой, виртуальной эпохе. Либеральный консенсус в условиях квантовой демократии актуализировал республиканскую теорию свободы и создал действенные препятствия к реализации в обществе концепции доминирования, которая была предложена в свое время М. Вебером [65].

Институт лидерства в квантовой демократии представляется особым состоянием, при котором актуальность политической позиции порождает новых лидеров. Британский профессор Джон Кейн (John Kane) полагает, что демократия в определенной степени ограничивает лидерство [38; 42; 43]. Вместе с тем, в рамках поля российской политики трансформация Эдуарда Лимонова в авторитетного публициста случилась вследствие острого социального запроса на национализацию политического класса современной России. В то время как институт гражданства, который широко принимается как предмет социальных исследований, фактически стал фантомным предметом [50], в российском обществе сложился запрос на придание институту гражданства реального содержания.

Выводы. Публичные выступления политических лидеров и материалы средств массовой коммуникации, отражающие восприятие целевой аудиторией социально-политических лидеров, становятся важнее, чем официально провозглашенные программные и нормативные документы. Политическое поведение лидеров дополняется внедрением в политическую жизнь представлений о квантовых закономерностях в политике, позволяющих лидерам и их электорату резко менять полярность своих политических взглядов под воздействием факторов внешней среды. Авторитет руководителей и их лидерские качества, которые являются абсолютно необходимыми условиями прогресса и эффективности политики, совершенно не обязательно должны сопровождаться бюрократией, доминированием и диктатурой в основании легитимности политического режима. Реалии квантовой демократии предполагают позиционную легитимацию политических лидеров в том смысле, что основным требованием к личности руководителя является его способность занимать определенное положение в обществе, обеспечивая при этом необходимый результат социальной политики государства.

¹Hardball with Chris Matthews 12/6/2011 http://www.nbcnews.com/id/45582356/ns/msnbc-hardball_with_chris_matthews/t/hardball-chris-matthews-tuesday-december/.WRP3DX1SCUk «In a social media age, it seems that everyone lives in their own reality» Steve Schmidt.

Противодействие тенденциям бюрократизации официальной публичной коммуникации и обострение политических конфликтов оказало влияние на тренды развития виртуальной реальности, которая проникла во все сферы жизни общества, подменив реальное общение — его суррогатом в социальных сетях, практические дела и усилия — виртуальными отчетами о них на сайтах. Деградация социально-политической системы, основанной на легальной бюрократической легитимации власти, сформулированной в свое время М. Вебером, остро проявляется на фоне социальной действительности, насквозь пронизанной фантомами [12; 49; 50], которые характеризуются правовым нигилизмом и фантасмагорическим поведением.

Постоянные колебания общественного мнения и сопутствующие этому перемены в ожидаемых результатах демократического голосования создают условия, в которых новостная повестка определяет электоральный успех в значительно большей степени, чем взаимоотношения политического лидера со своим электоратом. Существует высокая вероятность того, что в условиях квантовой демократии, в процессе электоральных процедур реализуется алгоритм Шепли–Гейла [37], с той лишь только разницей, что счастливыми оказываются далеко не те, кто наделен активным и пассивным избирательным правом, а те, кому предоставлено право выбирать политиков для их предложения озадаченному экономическими проблемами электорату.

Парадоксальная природа поведения политического класса в условиях цифрового разрыва и углубляющегося социального неравенства проявляется в самом широком спектре социально-политических процессов. Разросшаяся до опасных размеров цифровая бюрократия, отсутствие всякой разумной легитимации присвоения богатства в народном хозяйстве и процветание теневой экономики сопровождаются усилением радикальных настроений и экстремизма в обществе, идеологическим вакуумом, политической опустошенностью и стремлением двигаться к былому величию в победном лозунге Президента США Дональда Трампа (Donald John Trump) «Make America Great Again». Вместе с тем в условиях квантовой демократии, к удивлению многих наблюдателей, сенсационный Д. Трамп оказался сорок пятым Президентом США с типичными проблемами и методами их решения, производными от состояния поля американской политики.

В условиях квантовой демократии существенная часть лидеров — политических стереотипов растворилась, а некоторые сохранившиеся стали вызывать страх, восхищение и симпатию одновременно. Ярким примером современного политического лидерства стал образ Президента Российской Федерации В. В. Путина, о котором в западной прессе написали все, что только смогли придумать, однако его лидерство в российской политике не было оспорено.

В российских научных исследованиях В. В. Путин характеризуется как президент, который «акцентирует межличностные взаимодействия как ключевой аспект своего стиля. Специализация на отношениях с людьми появилась еще как компонент профессиональной подготовки разведчика» [4, с. 84]. Следуя этой логике, Рональд Рейган — президент-актер, Дональд Трамп — президент-бизнесмен, а Ангела Меркель и Барак Обама, Мануэль Макрон — яркие лидеры новой демократии, которые были представлены избирателям и заручились их поддержкой, но не стали при этом самостоятельными институтами массового политического сознания.

Странность закономерностей, позволяющая приводить во власть самых неожиданных лидеров, и сложности в выработке такими лидерами политических решений стали причиной исследования процессов современной политики учеными, далекими от лирики. Бельгийский физик Дидерик Аэртс (Diederik Aerts) в своей статье «К новой демократии: консенсус через квантовый парламент» [19] приводит математические алгоритмы для достижения парламентского консенсуса в условиях демократии с целью предотвращения разрастания популизма. Проблема лидерства

приобретает характер поиска субъекта, определяющего квантовые состояния политической системы, любое из которых для него является потенциально приемлемым, но изменит последующие политические решения, дальнейший ход истории.

Когда политика из непрерывного процесса превратилась в дискретное пространство, лидеры перестали быть значимы вне того конкретного промежутка времени, когда они реализуют свой авторитет. Вопрос относительно того, чем отличается лидерство в условиях квантовой демократии от диктатуры и проявлений представительной демократии следует рассматривать через саму природу квантовых процессов. Квантование в политике приводит к тому же результату, что и везде в ограничении числа заранее заданных политических позиций, которые могут занимать политические лидеры. По нашему мнению, термин «квантовая демократия» основан на сохранении авторитета лидеров в политической системе, только при том условии, что они занимают конкретные позиции в рамках поляризованного поля национальной политики.

В современном мире широкое распространение получила социально-политическая практика, в рамках которой социальные действия совершаются иллюзорными субъектами социально-политического процесса — политическими фантомами. Самые яркие образы фантомов мировой политики стремятся к тому, чтобы экономическая диктатура и мировое господство финансовой бюрократии расширились, чтобы встретить собственные новые потребности. В условиях активности фантомов, по законам квантовой физики, где каждая частица существует в паре с античастицей, ренессанс новых политиков правого толка стал трендом, предопределенным волновой природой политических процессов.

Литература

1. Буровой М. Что делать? Тезисы о деградации социального бытия в глобализирующемся мире // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 3–8.
2. Грачев М. Н., Мадатов А. С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив. М. : Алкигамма, 2004.
3. Гуревич П. С. Единство по кванту, а не по крови // Психология и Психотехника. 2015. № 5. С. 445–448.
4. Зорин В. А. Модели политического лидерства российских президентов // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 77–89.
5. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международное право и информационная безопасность государств: монография. СПб. : СПбГИКиТ. 2016.
6. Круглый стол журнала «Полис». Шестопап Е. Б., Уинтер Д. Г., Ирхин Ю. В. и др. Политическое лидерство и проблемы личности // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 53–68.
7. Мень М. А. Лидерство как социальный и личностный феномен (теоретико-методологические аспекты исследования). М. : Изд-во МГУ, 2011.
8. Мень М. А. Лидерство: личностно-интерактивный подход // Управленческое консультирование. 2011. № 4 (44). С. 92–105.
9. Морозов Г. Н., Алексеев Г. В. Недреманное око // Свободная мысль. 2013. № 2 (1638). С. 211–214.
10. Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России к обсуждению гипотезы // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 39–51.
11. Стрельцов Д. В., Чугров С. В., Симо-Томаи Н., Леонтьева Е. Л. Мир. Вызовы глобального кризиса. Япония // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 9. С. 76–91.
12. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2015.
13. Тощенко Ж. Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 70–84.
14. Человеческий капитал российских политических элит: политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопап, А. В. Селезневой. М. : РОССПЭН, 2012.

15. Чургов С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.
16. Шапиро И. Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 27.
17. Шестопал Е.Б. Политическое лидерство в новых условиях: смена парадигмы восприятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 82–90.
18. Шестопал Е.Б. Введение в рубрику. Человеческое измерение политики // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 6–8.
19. Aerts D. Towards a New Democracy: Consensus through Quantum Parliament. In D. Aerts, B. D'Hooghe and N. Note (eds.), *Worldviews, Science and Us, Redemarcating Knowledge and its Social and Ethical Implications*. Singapore: World Scientific, 2005. DOI: https://doi.org/10.1142/9789812702043_0011.
20. Akrivoulis D. E. The Quantum Politics Metaphor in International Relations: Revising American Newtonianism. University of Kent at Canterbury. 2002.
21. Akrivoulis D. E. The Ways of Stargazing: methodological reflections on American Newtonian metaphorcity; in T. Carver and J. Pikalo (eds) *Political Language and Metaphor: Interpreting and changing the world*. London : Routledge. 2008. P. 15–27.
22. Attali J. *Millennium: winners and losers in the coming world order*. New York: Random House. 1991.
23. Becker T. L. *Quantum Politics: Applying Quantum Theory to Political Phenomena*. Praeger Publishers. 1991.
24. Beerbohm E. Is Democratic Leadership Possible? // *American Political Science Review*. 2015. Vol. 109, N 4. P. 639–652. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055415000398>.
25. Bourdieu P. *Distinction: a social critique of the judgement of taste*. London: Routledge. 1984.
26. Bourdieu P. The Social Space and the Genesis of Groups // *Theory and Society*, 1985. 14 (6). Vol. 14, N 6. P. 723–744.
27. Bourdieu P. *Acts of Resistance: Against the Tyranny of the Market*. The New Press. 1999.
28. Chen J, Nadkarni S. It's about Time! CEOs' Temporal Dispositions, Temporal Leadership, and Corporate Entrepreneurship // *Administrative Science Quarterly*, 2016. Vol. 62. 1: P. 31–66. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001839216663504/>
29. Cohen D. *La Mondialisation et ses ennemis*, Paris, Grasset, 2004.
30. Dahl R. A. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven : Yale University Press. 1971.
31. Dahl R. A. *A Preface to Economic Democracy*. Berkeley : University of California Press. 1985.
32. Dator J. A., Pratt R., Seo Y. *Fairness, Globalization, and Public Institutions: East Asia and Beyond*. University of Hawaii Press, 2006.
33. Defarges P. M. *La mondialisation*, 10e édition; Paris. Presses Universitaires de France — P. U. F. 2016.
34. Deutch D. *The Fabric of Reality: The Science of Parallel Universes and Its Implications*. Penguin. 1998.
35. Drutman L. *The Business of America Is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate (Studies in Postwar American Political Development)*. USA. Oxford University Press. 2015.
36. Feynman R. P. The Value of Science // *Engineering and Science*. Vol. XIX. 1955. P. 13–15.
37. Gale D., Shapley L. S. College Admissions and the Stability of Marriage // *American Mathematics Monthly*. 1962. Vol. 69. P. 9–15. DOI: [dx.doi.org/10.2307/2312726](https://doi.org/10.2307/2312726).
38. *Good Democratic Leadership*. John Kane and Haig Patapan (eds) Oxford University Press. 2014. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199683840.001.0001>.
39. Goswami A. Quantum Politics, Part III: Saving Democracy. 2015. URL: <http://www.amitgoswami.org/2015/07/24/quantum-politics-part-iii>.
40. Haslam A. S. Reicher S. D. Platow M. J. *The New Psychology of Leadership: Identity, Influence and Power*. NY : Psychology Press. 2010.
41. Huntington S. P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. University of Oklahoma Press. 1991.
42. Kane J. The Ethical Paradox of Democratic Leadership // *Taiwan Journal of Democracy* 2007. 3 (2). P. 33–52.
43. Kane J., Patapan H. *The Democratic Leader. How Democracy Defines, Empowers and Limits its Leaders*. 2012.
44. Kazemi A. A. Quantum Politics: New Methodological Perspective // *International Studies Journal (ISJ)* 2015. (2011) Vol. 12. N I. P. 89–102.

45. *Keane J.* The Life and Death of Democracy. Simon & Schuster. 2009.
46. *Keane J.* Quantum Democracy: notes on rethinking territory in contemporary democratic politics. Lecture. 2016. URL: <http://www.johnkeane.net/spanish-translation-quantum-democracy-notes-on-rethinking-territory-in-contemporary-democratic-politics>.
47. *Lévy J.* (dir) L'invention du Monde. Une géographie de la mondialisation. Presses de Sciences Po. 2007.
48. *Lippmann W.* Public Opinion. NY : Macmillan, 1922.
49. *Lippmann W.* The Phantom Public. Transaction Publishers. 1925.
50. *Longstreet W. S.* Citizenship: The Phantom Core of Social Studies Curriculum // Theory and Research in Social Education 1985. 13 (2). P. 21–29.
51. *Pettinicchio D.* Elites, Policy and Social Movements / On the Cross Road of Polity, Political Elites and Mobilization. Ed. by B. Wejnert, P. Parigi. Vol. 24. Emerald Books. 2017. P. 55–190.
52. *Pezzani F.* Italy: Lost Sovereignty and Phantom Politics // Business and Economics Journal 2016. 7:225.
53. *Popper K. R.* The Open Society and Its Enemies. Routledge. Vol. 1, 2. 1945.
54. *Sandberg M., Lundberg P.* Political Institutions and Their Historical Dynamics // PLoS ONE 2012. 7(10): e45838.
55. *Skinner Q.* Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. University of Cambridge, 2002.
56. *Skinner Q., van Gelderen M.* Freedom and the Construction of Europe. Cambridge University Press. Vol. 1, 2. 2013.
57. *Soros G.* Underwriting Democracy: Encouraging Free Enterprise and Democratic Reform Among the Soviets and in Eastern Europe. NY : Free Press. 1991.
58. *Soros G.* Open Society: Reforming Global Capitalism. Public Affairs, 2000.
59. *Soros G.* George Soros On Globalization. Public Affairs. 2005.
60. *Stolleis M.* Das Auge des Gesetzes: Geschichte einer Metapher. München : C. H. Beck. Verlag. 2004.
61. *Tanasescu M.* Rethinking representation: The challenge of nonhumans // Australian Journal of Political Science, 2014. Vol. 49 (1). P. 40–53.
62. *Tesař J.* 2015. Quantum Theory of International Relations: Approaches and Possible Gains // Human Affairs. Vol. 25 (4).
63. *Toffler A.* The Third Wave. William Morrow and Company Inc. NY : 1980.
64. *Wallach P. A.* Government Decoherence and Its Discontents. Library of Law and Liberty. Indianapolis. 2015. URL: <http://www.libertylawsite.org/liberty-forum/government-decoherence-and-its-discontents>.
65. *Weber M.* Politik als Beruf. München/Leipzig GPS 505–560 Separatveröffentlichungen. Stuttgart, 1992.
66. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization / trans. by A. M. Henderson, T. Parsons. NY : The Free Press. 1947.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vvaas@yandex.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru

References

1. Buravov M. What to do? Theses on degradation of social life in the globalized world // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2009. N 4. P. 3–8. (In rus)
2. Grachev M. N., Madatov A. S. Democracy: research methodology, analysis of prospects. M. : Alkigamma, 2004. 128 p. (In rus)
3. Gurevich P. S. Unity on quantum, but not by birth // Psychology and the Psychotechnics [Psikhologiya i Psikhotekhnika]. 2015. N 5. P. 445–448. (In rus)
4. Zorin V. A. Models of political leadership of the Russian presidents // Political Researches [Politicheskie issledovaniya]. 2010. N 4. P. 77–89. (In rus)

5. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. International law and information security of the states: monograph. SPb. : St. Petersburg State University of Film and Television. 2016. 396 p. (In rus)
6. Round table of the Journal "Political Researches". Shestopal E. B., Uinter D. G., Irkhin Yu. V., Chirikova A. E., Ovcharova O. G., Poponov D. V., Semenova E. S., Kuznetsov I. I., Rogozar-Kolpakova I. I., Strelets I. E., Dobrynina E. P., Lyulchak E. R., Trofimova V. V., Pishcheva T. N. Political leadership and problems of the personality // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2011. N 2. P. 53–68. (In rus)
7. Men' M. A. Leadership as social and personal phenomenon (theoretical and methodological aspects of a research). M. : MSU publishing house, 2011. 268 p. (In rus)
8. Men' M. A. Leadership: personal and interactive approach // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. N 4 (44). P. 92–105. (In rus)
9. Morozov G. N., Alekseev G. V. The unwinking eye // Free thought [Svobodnaya mysl']. 2013. N 2 (1638). P. 211–214. (In rus)
10. Pantin V. I., Lapkin V. V. Waves of political modernization in the history of Russia to discussion of a hypothesis // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 1998. N 2. P. 39–51. (In rus)
11. Streltsov D. V., Chugrov S. V., Simo-Tomai N., Leontyeva E. L. Mir. Calls of global crisis. Japan // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2013. N 9. P. 76–91. (In rus)
12. Toshchenko Zh. T. Phantoms of the Russian society. M. : Center of social forecasting and marketing. 2015. 668 p. (In rus)
13. Toshchenko Zh. T. Trauma of society: between evolution and revolution (the invitation to a discussion) // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2017. N 1. P. 70–84. (In rus)
14. Human capital of the Russian political elite: the political and psychological analysis / under the editorship of E. B. Shestopal, A. V. Seleznyova. M. : ROSSPEN, 2012. 341 p. (In rus)
15. Chugrov S. V. Post-truth: transformation of political reality or self-damage of the liberal democracy? // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2017. N 2. P. 42–59. (In rus)
16. Shapiro I. Reinterpreting the theory of democracy in the light of modern policy // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2001. N 4. P. 27. (In rus)
17. Shestopal E. B. Political leadership in new conditions: perception paradigm shift // Monitoring of public opinion: economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2013. N 3 (115). P. 82–90. (In rus)
18. Shestopal E. B. Introduction to a heading. Human measurement of policy // Political Researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2013. N 6. P. 6–8. (In rus)
19. Aerts D. Towards a New Democracy: Consensus through Quantum Parliament. In D. Aerts, B. D'Hooghe and N. Note (eds.), Worldviews, Science and Us, Redemarcating Knowledge and its Social and Ethical Implications. Singapore: World Scientific, 2005. DOI: https://doi.org/10.1142/9789812702043_0011.
20. Akrivoulis D. E. The Quantum Politics Metaphor in International Relations: Revising American Newtonianism. University of Kent at Canterbury. 2002.
21. Akrivoulis D. E. The Ways of Stargazing: methodological reflections on American Newtonian metaphority; in T. Carver and J. Pikalo (eds) Political Language and Metaphor: Interpreting and changing the world. London : Routledge. 2008. P. 15–27.
22. Attali J. Millennium: winners and losers in the coming world order. New York: Random House. 1991.
23. Becker T. L. Quantum Politics: Applying Quantum Theory to Political Phenomena. Praeger Publishers. 1991.
24. Beerbohm E. Is Democratic Leadership Possible? // American Political Science Review. 2015. Vol. 109, N 4. P. 639–652. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055415000398>.
25. Bourdieu P. Distinction: a social critique of the judgement of taste. London: Routledge. 1984.
26. Bourdieu P. The Social Space and the Genesis of Groups // Theory and Society, 1985. 14 (6). Vol. 14, N 6. P. 723–744.
27. Bourdieu P. Acts of Resistance: Against the Tyranny of the Market. The New Press. 1999.
28. Chen J, Nadkarni S. It's about Time! CEOs' Temporal Dispositions, Temporal Leadership, and Corporate Entrepreneurship // Administrative Science Quarterly, 2016. Vol. 62. 1: P. 31–66. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001839216663504/>
29. Cohen D. La Mondialisation et ses ennemis, Paris, Grasset, 2004.
30. Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven : Yale University Press. 1971.

31. Dahl R.A. A Preface to Economic Democracy. Berkeley : University of California Press. 1985.
32. Dator J.A., Pratt R., Seo Y. Fairness, Globalization, and Public Institutions: East Asia and Beyond. University of Hawaii Press, 2006.
33. Defarges P.M. La mondialisation, 10e édition; Paris. Presses Universitaires de France — P.U.F. 2016.
34. Deutch D. The Fabric of Reality: The Science of Parallel Universes and Its Implications. Penguin. 1998.
35. Drutman L. The Business of America Is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate (Studies in Postwar American Political Development). USA. Oxford University Press. 2015.
36. Feynman R.P. The Value of Science // Engineering and Science. Vol. XIX. 1955. P. 13–15.
37. Gale D., Shapley L.S. College Admissions and the Stability of Marriage // American Mathematics Monthly. 1962. Vol. 69. P. 9–15. DOI: [dx.doi.org/10.2307/2312726](https://doi.org/10.2307/2312726).
38. Good Democratic Leadership. John Kane and Haig Patapan (eds) Oxford University Press. 2014. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199683840.001.0001>.
39. Goswami A. Quantum Politics, Part III: Saving Democracy. 2015. URL: <http://www.amitgoswami.org/2015/07/24/quantum-politics-part-iii>.
40. Haslam A.S., Reicher S.D., Platow M.J. The New Psychology of Leadership: Identity, Influence and Power. NY : Psychology Press. 2010.
41. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press. 1991.
42. Kane J. The Ethical Paradox of Democratic Leadership // Taiwan Journal of Democracy 2007. 3 (2). P. 33–52.
43. Kane J., Patapan H. The Democratic Leader. How Democracy Defines, Empowers and Limits its Leaders. 2012.
44. Kazemi A.A. Quantum Politics: New Methodological Perspective // International Studies Journal (ISJ) 2015. (2011) Vol. 12. N 1. P. 89–102.
45. Keane J. The Life and Death of Democracy. Simon & Schuster. 2009.
46. Keane J. Quantum Democracy: notes on rethinking territory in contemporary democratic politics. Lecture. 2016. URL: <http://www.johnkeane.net/spanish-translation-quantum-democracy-notes-on-rethinking-territory-in-contemporary-democratic-politics>.
47. Lévy J. (dir) L'invention du Monde. Une géographie de la mondialisation. Presses de Sciences Po. 2007.
48. Lippmann W. Public Opinion. NY : Macmillan, 1922.
49. Lippmann W. The Phantom Public. Transaction Publishers. 1925.
50. Longstreet W.S. Citizenship: The Phantom Core of Social Studies Curriculum // Theory and Research in Social Education 1985. 13 (2). P. 21–29.
51. Pettinicchio D. Elites, Policy and Social Movements / On the Cross Road of Polity, Political Elites and Mobilization. Ed. by B. Wejnert, P. Parigi. Vol. 24. Emerald Books. 2017. P. 55–190.
52. Pezzani F. Italy: Lost Sovereignty and Phantom Politics // Business and Economics Journal 2016. 7:225.
53. Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Routledge. Vol. 1, 2. 1945.
54. Sandberg M., Lundberg P. Political Institutions and Their Historical Dynamics // PLoS ONE 2012. 7 (10): e45838.
55. Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. University of Cambridge, 2002.
56. Skinner Q., van Gelderen M. Freedom and the Construction of Europe. Cambridge University Press. Vol. 1, 2. 2013.
57. Soros G. Underwriting Democracy: Encouraging Free Enterprise and Democratic Reform Among the Soviets and in Eastern Europe. NY : Free Press. 1991.
58. Soros G. Open Society: Reforming Global Capitalism. Public Affairs, 2000.
59. Soros G. George Soros On Globalization. Public Affairs. 2005.
60. Stolleis M. Das Auge des Gesetzes: Geschichte einer Metapher. München : C.H. Beck. Verlag. 2004.
61. Tanasescu M. Rethinking representation: The challenge of nonhumans // Australian Journal of Political Science, 2014. Vol. 49 (1). P. 40–53.
62. Tesař J. 2015. Quantum Theory of International Relations: Approaches and Possible Gains // Human Affairs. Vol. 25 (4).
63. Toffler A. The Third Wave. William Morrow and Company Inc. NY : 1980.

64. Wallach P.A. Government Decoherence and Its Discontents. Library of Law and Liberty. Indianapolis. 2015. URL: <http://www.libertylawsite.org/liberty-forum/government-decoherence-and-its-discontents>.
65. Weber M. Politik als Beruf. München/Leipzig GPS 505–560 Separatveröffentlichungen. Stuttgart, 1992.
66. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization / trans. by A.M. Henderson, T. Parsons. NY : The Free Press. 1947.

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru